

Л. Н. П у ш к а р е в

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII—XX вв.

Понятие исторического источника было присуще русской исторической науке с самого начала ее становления, хотя, конечно, определение этого понятия было дано значительно позже, когда русское буржуазное источниковедение сложилось уже в самостоятельную науку со своим предметом и методом исследования.

Во второй четверти XVIII в., когда исторические знания в России начали превращаться в науку, перед русской исторической мыслью, естественно, встал вопрос об историческом источнике как основе исторического исследования. Превращение знаний в науку сопровождалось активной деятельностью по изданию важнейших первоисточников по отечественной истории — летописей, Русской Правды, Судебника Ивана IV, Книги Большого Чертежа и т. д. Само понятие исторического источника в это время еще не выкристаллизовалось, его и не могло быть, это был период собирания, накопления исторических знаний, но тем не менее уже первые обобщающие труды XVIII в. дают и перечень, и краткую характеристику использованных источников. Ссылки на источники мы встречаем и в более ранних исторических трудах. Уже составитель Повести временных лет провел большую работу по выбору и сопоставлению исторических данных из устных и письменных источников. Летописи сохранили нам и такие важнейшие источники, как договоры Руси с греками, Русскую Правду, Поучение Владимира Мономаха и др. Такое же внимательное и бережное отношение к источнику характерно и для более поздних исторических памятников — летописей, хронографов, Синописа и т. д., однако лишь начиная со второй четверти XVIII в.¹, мы сталкиваемся впервые с анализом и критикой использованных источников, с выделением источниковедческих вопросов вообще в специальный раздел исследования. Так поступил уже В. Н. Татищев в своем «Предызвещении» к «Истории Российской»², однако определения понятия «исторический источник» мы у него не находим.

¹ Труд А. И. Манкиева «Ядро российской истории», законченный в 1715 г. и содержащий критику использованных источников, был опубликован Г. Ф. Миллером лишь в 1770 г. и приписан им кн. А. Я. Хилкову. Авторство А. И. Манкиева было установлено лишь в XIX в. Естественно, что этот труд не мог оказать влияния на историографию до своего выхода в свет.

² См. об этом более подробно: Л. Н. Пушкин. Вопросы классификации источников в русской исторической науке XIX—XX вв.—«История СССР», 1963, № 5, стр. 79—80; А. Г. Николаева. Краткий очерк развития источниковедения в России в XVIII веке. Учебное пособие. Редактор Е. А. Луцкий. М., 1962, стр. 9—18 (ротапринт); С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. 1. Л., 1961, стр. 222—262; Л. В. Черепинин. Русская историография до XIX в. Курс лекций. М.,

Нет этого определения и в трудах М. В. Ломоносова, хотя характеристика отдельных видов источников, в том числе лингвистических и фольклорных, им дается. Опираясь главным образом материалом письменных источников, он привлекает для своих доказательств также и топонимические данные. Новые виды исторических источников перечисляет в своем «Опыте новейшей истории о России» и Г. Ф. Миллер, также не давая определения исторического источника. В то же время следует отметить новый подход Г. Ф. Миллера к историческим источникам: от первичного собирательства их он перешел к организованному и систематическому подбору, что особенно ярко проявилось в его «Истории Сибири». Миллер впервые потребовал точного воспроизведения исторического документа в неизменном виде. Он стремился к возможной полноте в использовании источников, в предисловии к русскому переводу «Истории Сибири» он писал: «... сколько я ни старался во время моего в Сибири путешествия о собирании письменных известий к способствованию сей истории, однако всех источников, которые к тому служили, вычерпать не мог» (разрядка моя.—Л. П.). Мы встречаем, следовательно, у Г. Ф. Миллера самый термин «источник», однако употреблен он им в более широком смысле, а не в узком значении исторического источника. В то же время Г. Ф. Миллер стремился заложить основы критического отношения к источнику, исходя из принципа «истинности» исторического исследования³.

Впервые с употреблением термина «источник русской истории» мы встречаемся в работе А. Л. Шлецера «Опыт изучения русских летописей», вышедшей на немецком языке в Бремене и Геттингене в 1768 г. Шлецер употребил самый термин (Quelle), дал деление источников на иностранные и отечественные, последние в свою очередь разделил на главные и побочные (Haupt- und Nebenquellen. Эту классификацию источников сам Шлецер считал «систематической и полной»⁴.

Книга Шлецера была, конечно, известна в России, однако термин «источник» долгое время не входил в употребление. Обобщающие труды по русской истории в XVIII в. вообще обходятся без него. Так, например, нет термина «источник» в смысле «исторического источника» в предисловии к I тому «Истории Российской от древнейших времен» М. М. Щербатова, вышедшей впервые в 1771 г. Подзаголовок «Предисловия» («Об источниках истории российской») в переиздании 1901 г. дан редакторами этого переиздания И. П. Хрущовым и А. Г. Вороновым. Отсутствие этого термина не мешает, однако, М. М. Щербатову правильно понимать значение исторического источника, верно оценивать различные виды и точно воспроизводить текст документов при их публикации⁵.

Оппонент и критик М. М. Щербатова И. Н. Болтин употребляет термин «источник», однако, как и Г. Ф. Миллер, не в смысле «исторического источника», а в более широком смысле. Так, анализируя значение летописей и трех последовательных этапов работы над ними, он замечает: «После сих трех трудов, из домашнего источника почерпну

1957, стр. 174—179; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 188; Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 77—79; С. Н. Валк. Исторический источник в русской историографии XVIII в.—«Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 35—37.

³ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937. стр. 163. См. также Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 107—111; Л. В. Черепинин. Указ. соч., стр. 213—217; А. Т. Николаева. Указ. соч., стр. 21—23. В статье «Опыт новейшей истории о России» Г. Ф. Миллер разъясняет понятие «источник» термином «основание»: «Самое главное основание, яко российской истории вообще, так и сей части оныя, суть на российском языке сочиненные летописи».—«Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», 1761 г., январь, стр. 8.

⁴ А. Л. Schröder. Probe russischer Annalen. Bremen und Göttingen, 1768, S. 168.

⁵ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 125—129; Л. В. Черепинин. Указ. соч., стр. 230—232; А. Т. Николаева. Указ. соч., стр. 24—30.

тых, следует еще не меньше важный, состоящий в собрании известий из чужестранных источников и летописцев»⁶ (разрядка моя.—Л. П.).

Впервые на русском языке термин «источник» (правда, применительно к конкретному периоду русской истории, а не к истории вообще) мы находим в переводе на русский язык исследования А. Л. Шлецера о Несторе. Во втором Прибавлении мы читаем: «Первый и единственный источник древнейшей русской истории есть Нестор»⁷. И далее: «Нестор есть первый, древнейший, единственный, по крайней мере, главный источник для всей славянской, летской и скандинавской истории сего периода»⁸. Шлецер в этом труде повторил ту первичную, самую общую классификацию источников, которую он дал еще в 1768 г.: летописи и акты он назвал «главными источниками» (*Hauptquellen*), а степенные книги, хронографы, родословные, разрядные, церковные книги, монеты, «подземные свидетельства» и «другие вещи, называемые древностями», а также церковные образа, книжные миниатюры и народные песни — «побочными источниками» (*Nebenquellen*)⁹.

Столь удачно примененный Шлецером термин «источник» быстро за-воевывает права гражданства. Уже в 1809 г. М. Г. Каченовский в статье «Об источниках для русской истории», хотя и не дает определения этого понятия, тем не менее весьма уверенно им пользуется: «Чтобы получить сколь возможно ближайшее к истине познание об истории отечественной, надлежит знать источники, из которых почерпать должно известия»¹⁰. Специальный раздел предисловия к I тому «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина озаглавлен им «Об источниках российской истории до XVIII в.». Карамзин употребляет самый термин, но не разъясняет его, ограничиваясь, после подробного перечня источников, риторическим

⁶ И. Н. Болтина. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Шербатова. СПб., 1793, стр. 17. См. также Л. В. Черепинин. Указ. соч., стр. 237—240; А. Т. Николаева. Указ. соч., стр. 30—36; П. Смирнов. Болтина и его значение в историографии. Киев, 1913 (Отд. отт. из Киевских «Университетских известий»); В. С. Иконников. Исторические труды Болтина. СПб., 1902 (Отд. отт. из «Русского биографического словаря»). Нельзя не отметить также, что И. Н. Болтина для объяснения понятия «исторический источник» пользуется термином «припасы». Он писал, что ошибаются те, которые полагают, что для создания исторического труда вполне достаточно собрать «довольное количество исторических припасов... Припасы необходимы, но необходимо также и умение располагать оными». См. И. Н. Болтина. Примечания на историю древния и нынешния России Г. Леклерка..., т. I. СПб., 1788, стр. 268. См. также А. Т. Николаева. Вопросы источниковедения и археографии в трудах И. Н. Болтина.—«Археографический ежегодник за 1958 г.» М., 1960, стр. 161—186.

⁷ А. Л. Шлецер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Л. Шлецером, ч. I. СПб., 1809, стр. 394.

⁸ Там же, стр. 425. См. также Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 156.

⁹ А. Л. Шлецер. Указ. соч., стр. ПФ и сл.; С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 43. См. также последние работы о Шлецере, касающиеся его источниковедческих приемов: F. Fürst. August von Schlozer, ein deutscher Aufklärer im 18. Jahrhundert.—«Heidelbergische Abhandlungen zur mittleren und neueren Geschichte», H. 56. Heidelberg, 1928; «Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas», Bd. IX, XII. Berlin, 1961—1962. В начале XIX в. термин «Quellen» широко завоевывает признание и в немецком источниковедении. См., например, Ch. J. Graetz. Enzyklopädische Ansichten einiger Zweige der Gelehrsamkeit. Königsberg, 1809, S. 22.

¹⁰ М. Г. Каченовский. Об источниках для русской истории.—«Вестник Европы», 1809, ч. 43, № 3, стр. 194. Нельзя не отметить, что работа И. Ф. Эверса «О происхождении русского государства» имеет подзаголовок: «Попытка исследовать историю последнего на основании источников», однако толкования этого термина в работе нет. См. I. Ph. G. Ewers. Vom Ursprunge des russischen Staats. Riga und Leipzig, 1808. Термин «источник» встречается и в более поздних работах Эверса. См., например, I. Ph. G. Ewers. Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen, Dorpat, 1814, S. 101 (русский перевод: «Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории». М., 1825, стр. 89) и др. Характеристику Эверса как историографа см. М. В. Нечкина. Густав Эверс.—«Русская историческая литература в классовом освещении». Сб. статей с предисловием и под редакцией М. И. Попковского. Труды Института красной профессуры, т. I. М., 1927, стр. 17—49.

замечанием: «Вот материалы истории и предмет исторической критики»¹¹. Гермин «источник» употребляет и А. З. Зиновьев, отмечая особо значение «письменных свидетельств, на коих основывается повествователь»¹², однако толкования этого термина мы и у него не встречаем.

Понятие «исторический источник» в 20-х годах XIX в. вводится и в первые обобщающие работы исторического характера. Так, Н. А. Полевой в своей «Истории русского народа» пишет: «Исторические материалы для древней истории каждого из новейших европейских народов состоят из источников истории отечественных и источников истории иностранных»¹³.

В 30-е годы XIX в. термин «источник» в смысле «исторический источник» широко употребляется как в специальных исторических и источниковедческих работах¹⁴, так и в обобщающих исторических исследованиях. В «Русской истории» Н. Г. Устялова, например, термин «исторический источник» приравнивается к понятию «памятник минувшего» и употребляется как равнозначный ему¹⁵.

Нет никакого смысла перечислять в дальнейшем все случаи употребления термина «исторический источник». Достаточно сказать, что этим понятием широко пользовались все историки как в конкретно-исторических исследованиях, так и при создании обобщающих трудов и курсов¹⁶.

Впервые в русской исторической науке об отличии исторического источника от исторического исследования (пособия) четко сказал К. Н. Бестужев-Рюмин во введении к своему курсу «Русская история», где он из-

¹¹ Н. М. Карадзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1816, стр. XXXVII.

¹² А. Зиновьев. О начале, ходе и успехах критической российской истории. М., 1827, стр. 3. Ср. также употребление этого термина в названии статьи: П. М. Строев. О византийском источнике Нестора.— «Труды и летописи Общества истории и древностей российских», ч. IV, кн. 1. М., 1828, стр. 167—176. В немецком источниковедении в это время термин «источник» также широко употребляется,— см. например, L. Wachler. Lehrbuch der Geschichte zum Gebrauche in höheren Unterrichtsanstalten. Breslau, 1828, S. 48.

¹³ Н. А. Полевой. История русского народа, т. I. М., 1829, стр. LIII.

¹⁴ См., например, М. Гастев. О вспомогательных науках для истории.— «Вестник Европы», 1830, № 19—20, стр. 161; он же. Материалы для вспомогательных наук истории, кн. 2 (для генеалогии). М., 1835, стр. 19; П. М. Строев. Отчет об археографической экспедиции.— В кн. Н. П. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 278; Н. Г. Устялов. Предположение об издании русских летописей и государственных актов.— ЖМНП, 1837, ч. XIII, № 2, стр. 338; А. Ф. Федоров. О главнейших трудах по части критической русской истории. М., 1839, стр. 7, 12, 27 и др. Ср. также F. Reh. Lehrbuch der historischen Propädeutik und Grundriß der allgemeinen Geschichte. Marburg, 1830, S. 49.

¹⁵ См., например, Н. Г. Устялов. Русская история, ч. I, 862—1462 гг. СПб., 1837, стр. 4. В работе того же автора «О системе прагматической русской истории», СПб., 1836, говорится, что средства к изучению русской истории делятся на два ряда: источники и критические исследования (стр. 50), однако определения источника и его отличия от исследования и здесь не дается.

¹⁶ Развернутое определение источника мы находим в это время в учебнике З. Бехера, в котором говорится: «Источник — это все то, из чего что-то можно почерпнуть. Исторические источники — это то, из чего черпается материал для истории, они различаются в зависимости от вспомогательных исторических наук» (S. Becher. Handbuch zur Vorbereitung für das historische Gesamtstudium und Literatur desselben. Wien, 1833, S. 93). Определение это, достаточно общее, чтобы охватить все многообразие исторических источников, страдает, однако, тем, что не объясняет, что разумеет автор под «материалом для истории» (Stoff für Geschichte). Вслед за Бехером «материалом для работы историка» назвал исторические источники И. Г. Дройзен в известном своем «Очерке истории» (первое издание 1868 г., третье — 1882 г.). Термин «Источник (Quelle)» Дройзен отнес только к такому историческому материалу, который был создан с сознательной целью напомнить о прошлом. Разъяснения того, что понимает Дройзен под «материалом для работы историка» («Stoff für historischen Arbeit»), в его труде мы не находим. См. I. G. Droyzen. Grundriß der Historik. Leipzig, 1868, S. 13. Точка зрения Дройзена, несомненно, сказалась на взорваниях русских источниковедов, но главным образом в вопросах классификации, а не определения исторического источника. Более того, в русской исторической литературе этого времени продолжало еще бытовать двойственное понимание термина: под «источником» подразумевали и архивный первоисточник, и ту книгу, откуда тот или иной автор почерпнул те или иные сведения.

ложил кратко свои взгляды на источник, историческую критику, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины и т. д., а также дал обзор главных видов источников для изучения русской истории¹⁷. Однако, указав на отличие источника от пособия, К. Н. Бестужев-Рюмин определения исторического источника тоже не дал.

Не останавливаясь на работах историков второй половины XIX в., употребляющих термин «источник», но никак не разъясняющих его, укажем лишь на заслуживающую внимания статью Ф. Я. Фортинского, представляющую собой развернутую рецензию на книги Смедта и Тардифа, вышедшие в 1883 г. Ф. Я. Фортинский, касаясь понятия «исторический источник», называет его термином «памятник», а об «источнике» он говорит лишь в противопоставлении его историческому исследованию¹⁸. Дальнейшее уточнение понятия «исторический источник» мы находим в лекциях по всемирной истории М. Н. Петрова, который под источником понимает «свидетельства и памятники прошедшего, как вещественные, так и письменные»¹⁹. В XIX в. наблюдается дальнейшее расширение круга привлекаемых исследователями исторических источников. Работы по новому и новейшему периоду основываются на новейшей документации, увеличивается количество трудов по статистике и т. д. Однако увеличение количественное не приводит к качественно иному пониманию того, что же следует считать историческим источником. Это хорошо иллюстрирует фундаментальный историографический труд В. С. Иконникова.

Известная работа В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» печаталась вначале в виде приложения к киевским «Университетским известиям» с 1884 г.; отдельным изданием первая книга I тома вышла в 1891 г. Автор не дает определения исторического источника; он говорит здесь об историческом материале, повторяя тем самым суждения Драйзена; подчеркивает значение первоначальных источников (ссылаясь при этом на Фримана), отмечает многообразие и многочисленность источников, говорит о делении источников на остатки и традицию (указывая при этом на Бернгейма), но так и не сообщает своей точки зрения по этому вопросу²⁰. В первой книге II тома автор еще раз возвращается к понятию исторического источника, однако он вновь ограничивается определением «исторический материал», указывает лишь на классификацию исторических источников, но не дает им общего определения, охватывающего все разновидности различных исторических источников²¹.

¹⁷ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I. СПб., 1872, стр. 10—208. Различает источник и пособие также и Д. Иловайский. История России, ч. I. Киевский период. М., 1876, стр. V.

¹⁸ Ф. Я. Фортинский. Опыты систематической обработки исторической критики. Киев, 1884, стр. 10, 13 (Отд. отт. из киевских «Университетских известий», 1884, № 8). Термин «памятник» как равнозначный «источнику» употребляют: М. М. Ковалевский. О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений. М., 1878, стр. 2—3. (Отд. отт. из «Юридического вестника», 1878, № 1); Ф. П. Леонтьев. История русского права, вып. I. Одесса, 1869, стр. 31—46; Д. Я. Самоквасов. О методе ученой разработки исторических источников.— ЖМНП, 1873, № 12, стр. 241—252; П. В. Голубовский. Материалы русской истории и отношение к ним в разное время.— «Исторический вестник», 1902, № 12, стр. 1003—1014.

¹⁹ М. Н. Петров. Лекции по всемирной истории, т. I. Харьков, 1888, стр. 10.

²⁰ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1891, стр. 2, 38—39, 49. Весьма критический разбор труда В. С. Иконникова, особенно его системы цитирования предыдущих исследователей и отсутствия самостоятельной точки зрения, см. в рецензии А. В-н (А. Н. Пыпин). Приемы исторической работы.— «Вестник Европы», 1893, № 1, стр. 253—296. Более мягко оценил труд В. С. Иконникова акад. А. Ф. Бычков. См. «Записки Академии наук», т. 75, 1894, кн. 2, прилож. 5 («Отчет о 35 присуждении наград графа Уварова»), стр. 68—79. См. также оценку труда В. С. Иконникова В. Е. Иллерицким в «Очерках истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, стр. 563—564.

²¹ В. С. Иконников. Указ. соч., т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. IV—IX. Стремление В. С. Иконникова обойти молчанием само определение исторического источника не может быть причислено к лучшим сторонам его весьма ценной и до сих пор

В 1894 г. начал читать свой курс лекций по источниковедению В. О. Ключевский. Этот курс никогда не был им опубликован; мало того, первая вводная лекция курса вообще не сохранилась; до нас дошли лишь наброски лектора. Судя по этим данным, В. О. Ключевский определял исторические источники как «письменные или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ»²².

сохраняющей свое значение справочного пособия монографии, тем более, что немецкое источниковедение к этому времени дало новое определение исторического источника — имею в виду известный учебник Э. Бернгейма, вышедший первым изданием в 1889 г., шестым изданием в 1908 г. Определение исторического источника во всех изданиях оставалось неизменным. Бернгейм пишет так: «Материал, откуда наша наука черпает свои познания, мы непросто называем „источником“. Мы можем так в общем определить это понятие: источники — это результаты человеческой деятельности, пригодные для познания и удостоверения исторических фактов или с самого начала или преимущественно вследствие их существования, возникновения и прочих отношений» (E. Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1908, S. 252). То же определение повторено и в его «Einführung in die Geschichtswissenschaft». Leipzig, 1905, S. 79. Определение Бернгейма повторяет также и R. Altamira. La esenanza de la historia. Madrid, 1891, pp. 136—138). В этом своем определении, идущем (как указывает Бернгейм) от Эрхарда («Kritische Übersicht der Diplomatik... und Entwurf eines System der Geschichtsquellenkunde».— «Zeitschrift für Archivkunde, Diplomatik und Geschichte», 1835, Bd. 2, S. 385 ff.), автор ничего не говорит о реальности источника, независимости его от историка. Определение Бернгейма оказалось существенное влияние на русскую историческую науку, см. об этом ниже. Несомненное значение для русского источниковедения имел и перевод П. Николаева книги Э. Фримана «Методы изучения истории», вышедший в 1893 г. Хотя в лекциях профессора Оксфордского университета Э. Фримана мы и не находим полного определения исторического источника, тем не менее в его книге имеется немало мыслей, нашедших свое отражение в трудах русских источниковедов, и, главное, побудивших их задуматься над вопросами определения исторического источника. Фриман еще раз подчеркнул отличие исторического источника от исторического пособия, указал на большое значение документальных и монументальных источников, монет и надписей (эти источники Фриман называет «вспомогательными», в то время как летописи, хроники и т. д. — «оригинальными»); в заключение он рассматривает историографические труды, примыкающие, по его мнению, к вспомогательным источникам. См. Э. Фриман. Методы изучения истории. Восемь лекций 1884 года с приложением вступительной лекции об обязанностях профессора истории. Главные периоды европейской истории. Шесть лекций 1885 г. с приложением статьи о греческих городах под римским управлением. М., 1893, стр. 75—118, 139—158. Знаменательно, что в этом же году в переводе М. Агеева вышла в Воронеже и краткая брошюра А. Тардифа «Основы исторической критики». Как и у Фримана, в работе Тардифа нет определения исторического источника; выход в свет этой брошюры — лишнее свидетельство интереса русской исторической науки в это время к вопросам теоретического источниковедения.

²² В. О. Ключевский. Соч., т. VI. М., 1959, стр. 475. В своем определении В. О. Ключевский сближается с точкой зрения французского источниковедения, для которого характерно определение исторических источников как следов прошлого (ср. «угасшая жизнь» у Ключевского). Впервые это определение мы находим у Морте (Ch. et V. Mortet. La science de l'histoire (Extrait de la «Grande Encyclopédie»). Paris, 1894, p. 27), затем в известной книге Ланглуа и Сеньобоса (Ch. V. Langlois et Ch. Seignobos. Introduction aux études historiques. Paris, 1898, p. 1; русский перевод А. Серебряковой: Ланглуа и Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899, стр. 13). См. также A. D. Xéropol. Le principes fondamentaux de l'histoire, Paris, 1898, p. 324; он же. La Théorie de l'histoire. Paris, 1908, p. 457.

В более позднем труде III. Сеньобоса понятие «исторический источник» вообще заменяется термином «документ», который, по мнению автора, также представляет собою след исчезнувшего факта — иногда в форме материального предмета, но чаще в форме записей, составленных людьми, которые сами видели эти факты. См. Ch. Seignobos. La méthode historique appliquée aux sciences sociales. Paris, 1901, p. 4. Русский перевод: III. Сеньобос. Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902, стр. 5. Определение исторического источника как следа исторического факта мы встречаем также и во вступительной лекции проф. В. К. Пискорского «О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории». Казань, 1906, стр. 8. О влиянии этого определения источника французским источниковедением на русское и критику этого определения см. ниже. В вышедшем в это время статье П. Н. Милюкова «Источники русской истории и русская историография» определения исторического источника нет, дается только простой перечень их. См. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. XXVIII, полутора 55. СПб., 1899, стр. 430—446.

Определение это, как мы видим, крайне неполно (отсутствуют источники лингвистические, фольклорные, этнографические и т. д.) и неточно, ибо понятие «источник» определяется термином «памятник», который в свою очередь требует определения.

Конечно, перед нами — незаконченная работа историка, наброски; автор лишь попутно останавливается на определении исторического источника; главное внимание в курсе удалено источниковедческому анализу различных видов исторических источников, и эта часть курса сохранила свое значение вплоть до наших дней.

Четкое определение исторического источника мы находим в литографированном курсе лекций по русской истории проф. С. Ф. Платонова. Уже в первом издании этих лекций мы читаем: «В обширном смысле понятие исторического источника заключает в своем содержании всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода, печатная книга, рукопись или, наконец, устное предание. Но в узком смысле источником мы называем печатный или письменный остаток старины, иначе говоря, той эпохи, которую изучает историк»²³.

Несмотря на то, что это определение страдает теми же недостатками, что и все предыдущие (понятие «источник» определено термином «остаток», который в свою очередь требует толкования), тем не менее следует отметить заслугу С. Ф. Платонова, впервые в русской исторической науке отчетливо показавшего двоякий смысл термина «исторический источник» (по его терминологии, в обширном и в узком смысле слова). С. Ф. Платонов верно определил характер исторических источников в узком смысле этого слова, подчеркнул их особое значение для истории; перечисляя источники в широком смысле этого слова, он ничего не сказал об источниках лингвистических и этнографических.

В несомненной зависимости от определения С. Ф. Платонова находится определение В. П. Бузескула, который под источниками понимает «те уцелевшие остатки и памятники прошлого, в самом широком смысле слова (вещественные, письменные и проч.), из которых историческая наука черпает свой материал, которые служат исходным пунктом, первоосновою наших сведений по данному вопросу, откуда сведения эти проис текают, берут начало»²⁴. Определение В. П. Бузескула еще более неточно, чем С. Ф. Платонова: понятие «источник» он определяет двумя терминами сразу («остатки и памятники»), никак их не разъясняя. Весьма уязвимо также называть источники «исходным (а не центральным, основным) пунктом, первоосновою (а не единственной основою) наших сведений»,

²³ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Общий курс. СПб., 1894, стр. 33. Курс лекций С. Ф. Платонова выдержал 10 изданий до 1917 г., определение исторического источника во всех переизданиях оставалось прежним. То же определение мы находим и в другом литографированном курсе С. Ф. Платонова: «Обзор источников русской истории летописного типа». СПб., 1905, стр. 1—2.

²⁴ В. П. Бузескул. Введение в историю Греции. Харьков, 1903, стр. 2. Определение осталось без изменения и в последующих изданиях (см. В. П. Бузескул. Лекции по истории Греции, т. I. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки. Изд. 3-е. Пг., 1915, стр. 2. Попытку вслед за Бехером (см. выше) дать более широкое толкование исторического источника без определения его другим термином мы находим у А. Майстера. В своем труде «Основные черты исторического метода» он пишет: «Все то, из чего мы можем почерпнуть историческое знание, называется историческим источником» (A. Meister. Grundzüge der historischen Methode.—«Grundriß der Geschichtswissenschaft», Bd. 1, Lief. 1. Leipzig, 1906, S. 7; см. также более позднее издание, где это определение оставлено без изменений: A. Meister. Grundzüge der historischen Methode.—«Grundriß der Geschichtswissenschaft», Bd. I. Abt. 6. Leipzig, 1923, S. 8). Правда, далее А. Майстер оговаривается, что понятие источника меняется в зависимости от формулировки темы.

Весьма плодотворное в своей основе определение А. Майстера не нашло, однако, отклика в русском буржуазном источниковедении того времени. Как мы увидим ниже, гораздо большее влияние оказала точка зрения Ланглая и Сеньобоса.

ибо это может быть понято как приравнивание источника к исследованию²⁵.

Один из видных теоретиков русского буржуазного источниковедения Н. И. Кареев в работе «Теория исторического знания» повторил определение исторического источника, идущее от французской историографии: «Следы прежней жизни, дошедшие до нас в форме преданий и записей...,— говорит Н. И. Кареев,— и составляют главный и основной источник исторического знания». Кроме того, автор в понятие «источник» включает также материальные остатки, устную традицию, изображения и т. д. Несколько ниже Н. И. Кареев склоняется к определению С. Ф. Платонова, подчеркивая, что «главной опорой исторического знания являются всякого рода свидетельства, заключающиеся в вещественных или словесных памятниках, т. е. в остатках и следах, которые в том или другом виде дошли до нас от прошлого»²⁶.

Это стремление объединить различное понимание одного и того же факта, найти нечто среднее, удовлетворяющее различные точки зрения, необыкновенно характерно для всего научного облика Н. И. Кареева, эклектически объединившего в своем мировоззрении позитивизм с неокантианством.

Определение источника как следа, оставленного прошлым, не может быть принято нами прежде всего в силу многозначности этого термина. Под следом мы понимаем (помимо чисто конкретного его значения в смысле «отпечаток ноги или лапы» или «черта на поверхности») и остаток чего-либо (например, след позолоты), и знак, оставшийся после чего-либо (например, шрам — это след от раны), и отпечаток, возникший в результате чего-либо (например, бледность — след бессонницы), и, наконец, результат последствий чьей-либо деятельности (например, следы войны). Автор же, употребляя этот термин, не разъясняет, в каком именно смысле слова он его употребляет. А ведь любой исторический источник, независимо от того, с какой целью он был создан, с какой степенью полноты отразил существовавшие в то время отношения, обязательно является частью прошлого, дошедшего до наших дней, а не только следом этого прошлого. В то же время одно из значений термина «след» («след» — «знак»), несомненно, весьма близко к теории символов (знаков), столь излюбленной неокантианцами и глубоко идеалистичной по своему существу.

Эклектичность мировоззрения Н. И. Кареева отразилась и в терминологии его исследования. Так, отмечая, что исторические источники именуются то «источниками», то «памятниками», то «документами», автор никак не определяет своей точки зрения, а попросту употребляет все эти термины как равнозначные. Даже понятия «остатки» и «следы» он сознательно употребляет в двух разных смыслах, нисколько этим не смущаясь²⁷. Эклектизм в понимании и толковании исторического источника, бессилие дать собственное обоснованное определение — вот что было характерно и для этого буржуазного профессора и для всего русского буржуазного источниковедения, зашедшего в тупик идеализма.

Актовая речь И. Ф. Колесникова «Древние рукописи. От памятника старины до исторического источника», произнесенная им 22 сентября 1913 г. в Московском археологическом институте, содержит определение источника, близкое к только что разобранному. «Море жизни,— пишет И. Ф. Колесников,— отливая, оставляет на покинутом берегу следы былой жизни

²⁵ См. рецензию А. И. Покровского в «Известиях Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине», т. 21. Нежин, 1904, стр. 12 и отт. отт. Другие рецензенты точки зрения Бузескула не оспорили. См. рецензию С. А. Жебелева в «Сборнике отчетов о премиях и наградах за 1907 г. (премия имени графа Д. А. Толстого)», СПб., 1908, стр. 159.

²⁶ Н. И. Кареев. Теория исторического знания. СПб., 1913, стр. 85—86.

²⁷ Там же, стр. 94.

в виде многочисленных и разнообразных предметов старины — искусства, литературы, культа, домашнего обихода. Это — *памятники* старины, памятники прошлой жизни, часто мертвые, бездушные, загадочно молчаливые, но в молчанье своем готовые раскрыть тайну отдаленных веков, в них сокрытую»²⁸ (курсив автора.— Л. П.). Оставляя в стороне риторические образы, вызванные, видимо, формой актовой речи (море жизни, загадочное молчание, тайна веков и т. д.), мы можем утверждать, что автор при соединяется к французскому источниковедению в определении источника как следа былой жизни. Новым в понимании И. Ф. Колесникова было то, что он рассматривает «след былой жизни» как «памятник старины», который становится «историческим источником» после долгой и кропотливой работы историка-источниковеда. Интересная мысль И. Ф. Колесникова об отличии «памятника» от «источника» не была, однако, в полной мере оценена в то время и осталась неразвитой.

Дальнейшее повторение взглядов Ланглуа и Сеньобоса мы находим и в статье Н. Н. Кузьмина «Исторический метод исследования»: «Историческое исследование имеет дело лишь со следами исчезнувших фактов и явлений. Эти следы даются нам историческими памятниками, документами... Документы — это те следы, которые оставили думы и деяния живших в прежнее время людей» — вот основные тезисы автора, лишь перефразирующего уже известные науке данные²⁹.

Понятие исторического источника подробнее и обстоятельнее всего в русском буржуазном источниковедении разработано у А. С. Лаппо-Данилевского. Этому вопросу он посвятил целую главу своего учебника «Методология истории». Автор прежде всего дает определение источнику вообще и разумеет под ним с теоретико-познавательной точки зрения «всякое данное нашего чувственного восприятия». В научно-эмпириическом смысле А. С. Лаппо-Данилевский под источником понимает «всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте»³⁰.

Автор различает понятия «исторический факт» и «исторический источник»: исторический факт означает понятие о действительно бывшем, которое можно восстановить на основании одного или нескольких источников.

Вслед за тем А. С. Лаппо-Данилевский дает и определение источника исторического знания как реального объекта, изучаемого не ради его самого, а для получения знания об историческом факте³¹.

В это определение источника исторического знания, говорит автор, явления природы, равно как и явления психической жизни человека, не входят, историк пользуется данными других наук — естествознания, психологии и т. д.

А. С. Лаппо-Данилевский останавливается далее на взглядах Бернгейма, Ланглуа и Сеньобоса на исторический источник и отвергает их. Определение Бернгейма (источники суть результаты человеческих деятельности) недостаточно определенно, потому что под деятельностью человека можно понимать и физиологические направления человека, и проявления

²⁸ И. Ф. Колесников. Древние рукописи. От памятника старины до исторического источника. М., 1914, стр. 3 (Отд. отт. из «Отчета императорского Московского археологического института им. императора Николая II за 1912—1913 гг.»). М., 1914. Прилож., стр. 1—32).

²⁹ Н. Н. Кузьмин. Исторический метод исследования.— «Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1899—1914)». Красноярск, 1915, стр. 110.

³⁰ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. II. Пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1910/11 г. СПб., 1913, стр. 366.

³¹ Там же, стр. 368.

его душевной жизни — ни то, ни другое не могут быть историческим источником. Определение Ланглуа и Сеньобоса (источники суть следы, оставленные мыслью и действиями людей) также неприемлемо, ибо, во-первых, мысль и действие — понятия неравнозначные, во-вторых, не все мысли и действия, оставляющие след, могут быть доступны военпритию историка и, в-третьих, не всякий след мысли или действия есть исторический источник, а лишь тот след, который нужен для восстановления исторического факта³².

Далее автор от понятий «источник вообще» и «источник исторического знания» переходит к понятию «исторический источник» и считает, что источник вообще получает значение исторического источника лишь с психологической точки зрения, т. е. тогда, когда он (источник) является произведением человека, результатом его деятельности, а следовательно, и результатом не только физических, но и психических факторов, порождающих источник. Конечный вывод из рассуждений А. С. Лаппо-Данилевского таков: «исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»³³.

Все дальнейшие рассуждения автора лишь уточняют и развивают дальние его мысли об обусловленности исторического источника психикой человека и о значении источника для изучения исторических фактов³⁴. Всякий источник автор считает продуктом творчества — индивидуального или коллективного.

Такое подробное изложение взглядов А. С. Лаппо-Данилевского на исторический источник необходимо для того, чтобы ярче показать идеалистическую сущность его точки зрения.

А. С. Лаппо-Данилевский не мог пройти мимо достижений марксистско-ленинской исторической и философской мысли, которая к этому времени достигла важных результатов в освещении философских, методологических проблем истории. Это влияние марксизма, несомненно, сказалось в признании А. С. Лаппо-Данилевским объективного характера источника исторического знания. Марксистская философия, однако, правильно решив в общем виде проблему объективного, реального характера источников человеческого познания, не конкретизировала общефилософских положений применительно к задачам вспомогательных исторических дисциплин, ибо это было задачей источниковедения как науки, а не философии.

Буржуазное источниковедение немедленно воспользовалось создавшимся положением, и пример с А. С. Лаппо-Данилевским хорошо иллюстрирует попытки буржуазной исторической науки найти пути для исказения даже самых явных, самых наглядных положений марксистской философской мысли. Правильно указав при характеристике источника вообще на реальный, объективный характер источника, изучаемого с целью установления исторического факта, автор далее сбивается на идеалистическое определение источника как продукта человеческой психики. Именно психическая деятельность становится у автора первопричиной возникновения

³² А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 369—371. Точка зрения, что отнюдь не всякий остаток прошлого является историческим источником, была высказана еще раньше применительно главным образом к археологическому материалу. См. А. С. Уваров. Что должна обнимать программа для преподавания археологии.— «Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам», сборник, т. III. М., 1910, стр. 175, 265; ср. также Н. Н. Радашев. Граф А. С. Уваров как теоретик археологии. М., 1911, стр. 8; он же. И. Е. Забелин как теоретик археологии (от археологии до историософии). М., 1909, стр. 19—20.

³³ А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 375.

³⁴ См. изложение взглядов А. С. Лаппо-Данилевского на исторический источник в редакциях Н. Д. Кондратьева «Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского». — «Историческое обозрение», т. XX. Пг., 1915, стр. 114—115 и Н. И. Кареева.— «Научный исторический журнал», 1913, № 1, стр. 64—69.

источника; тем самым А. С. Лаппо-Данилевский затушевывает производность человеческой психики, обусловленность ее развитием производительных сил и производственных отношений. Идеалистическое неокантинское определение автором исторического источника, естественно, сказывается и на классификации исторических источников, и на задачах их интерпретации и критики³⁵.

Идеалистична по своему существу и вторая часть определения, когда А. С. Лаппо-Данилевский относит к числу исторических источников лишь те, которые пригодны для изучения фактов с историческим значением, ибо он тем самым предоставляет большой простор субъективизму в отборе: имеет или не имеет тот или иной факт (а следовательно, и источник, этот факт содержащий) историческое значение, каждый исследователь решает по-своему. Здесь многое зависит от целей и задач исследования: для одной темы данный факт не нужен, для другой он имеет решающее значение, но ведь это никак не должно отражаться на признании источника, содержащего данный факт, историческим источником.

Идеалистическое, субъективистское определение исторического источника А. С. Лаппо-Данилевским наглядно иллюстрирует тот тупик, в который зашло русское буржуазное источниковедение к началу XX в.³⁶

Подводя итоги изучению в историографическом плане определения исторического источника в русской исторической науке XVIII—XX вв., можно сделать несколько более общих выводов.

1. Хотя вопросы выделения и источниковедческого анализа источников и были присущи русской исторической науке с самого момента ее становления, тем не менее само определение понятия «исторический источник» появилось лишь в конце XIX в. Русские историки вначале эмпирически выявили, описали и классифицировали исторические источники, а уж затем задумались над тем, как их определить, назвать. Потребность в определении, в отыскании подходящего термина особенно остро стала ощущаться после того, как в западноевропейском буржуазном источниковедении уже появилось несколько определений подобного рода. Другой побудительной причиной поисков определения этого понятия явилось расширение источниковедческой базы, появление новых типов исторических источников, таких, как стенограммы, машинопись, фонограммы и проч. Следовало решить, входит ли этот материал в понятие «исторический источник», или оно должно ограничиваться традиционным набором устоявшихся видов источников — летописи, акты, мемуары и проч.

2. Вопросы теории источниковедения и, в частности, определения исторического источника значительно отставали от практики исторического исследования и, естественно, не могли оказать серьезного влияния на развитие исторической науки в целом. Большое число крупных русских буржуазных историков, таких, как В. М. Соловьев, А. А. Шахматов и многие другие, вообще не считали нужным давать определение историческому источнику, а пользовались им эмпирически и достигали при этом значительных результатов. Практика источниковедческого анализа была богаче теории источниковедения, и смена различных определений исторического источника не влияла на практику исторических и источниковедческих исследований. Казалось, борьба течений в русской исторической науке

³⁵ См. об этом Л. В. Ч е р е п и н и . А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед.— «Вопросы истории», 1949, № 8, стр. 30—51; Л. Н. П у ш к а р е в . Указ. соч., стр. 88—89; последняя историографическая работа с критикой теоретических построений А. С. Лаппо-Данилевского — глава Л. В. Ч е р е п и н а «Основные черты кризиса буржуазной историографии».— «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, стр. 265—266.

³⁶ Ничего нового не дает вышедший в 1914 г. учебник В. М. Хвостова, попросту повторяющий определение А. С. Лаппо-Данилевского. См. В. М. Х в о с т о в . Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. М., 1914. стр. 295.

должна была бы найти свое отражение и в определении исторического источника, но этого не произошло. Ученые разных философских направлений и исторических школ пользовались одними и теми же терминами для определения исторического источника, и лишь в начале XX в. стали появляться определения, отражающие философские воззрения историков (Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский).

3. В конце XIX — начале XX в. большое влияние на русское источниковедение в определении исторического источника оказали работы зарубежных буржуазных историков — Драйзена, Смита, Тардида, Фримана и т. д. Русские буржуазные историки или присоединились к зарубежным идеалистическим определениям исторического источника Бернгейма, Ланглуа и Сеньобоса, или постарались обойти этот вопрос молчанием, или, наконец, попытались дать свое, также, однако, идеалистическое определение исторического источника. Коренным недостатком буржуазного источниковедения является пренебрежение объективной стороной исторического источника, стремление рассматривать источник как реализованный продукт человеческой психики, что, несомненно, уводит исследователя в дебри неокантианства и позитивизма.

Если в области конкретного анализа исторических источников русское буржуазное источниковедение и добилось крупных успехов, то в теоретических вопросах источниковедения, в определении понятия исторического источника, в частности, русская буржуазная историческая наука зашла в тупик. Научное материалистическое определение понятия исторического источника оказалось под силу только советскому источниковедению. Однако это — тема особого исследования.